

Vilesik

Питера.net

Санкт-Петербург

Любавич

2011

Vilesik-Питер – 0:1

Блистательный... Культурная столица России... Дальше можно не продолжать: интрига исчерпана! Дальше как на детском утреннике уважаемая публика с образованием от среднего на одном дыхании с готовностью проскандирует гордое имя детища Петра Великого. И как-то за скобками остаётся подводная часть этого сияющего и переливающегося айсберга. Это те, кто, в отличие от туристов, не испытывают головокружения от перенасыщенного исторического и культурного фона города, а просто живут, думая больше о хлебе насущном. И Петербург Достоевского, Гоголя, Крестовского с их темой «маленького человека» и беспросветной нужды – он ведь никуда не делся, он просто трансформировался в соответствии с новыми социально-экономическими реалиями.

И устремляются в культурную столицу молодые провинциалы, имеющие искру таланта, в надежде, что из этой искры полыхнёт такое пламя, что этот их талант увидят и оценят, и вот оно – успех, признание, бессмертие!.. Но вот беда: если им и «рады», то только в той, другой столице, где в поте лица и грязи рук приходится добывать хлеб свой. А раз так – «Питера.net» – решают они, а есть яркая обёртка, мишура – и не более того. «Питера.net» – решил провинциальный талант Vilesik, которому пришлось в Санкт-Петербурге примерить робу даже не фрилансера, а почти что гастарбайтера. Впечатлениями об этом он делится в своём произведении.

Сразу возразим: Питер был, есть и будет! Социальный статус человека очень много значит. Ведь и при государях-императорах столичное великолепие было преимущественно для их сиятельств-превосходительств. И сегодня оно для власть и имущество предержавших. Станет Vilesik мэтром от живописи – и Санкт-Петербург ему благосклонно кивнёт. А пока – так. Как написал. Написал, кстати, хорошо! Интересно, правда! Если есть время – почитайте! А молодые таланты, мечтающие об известности, и их мамулечки – прочитайте обязательно!

Главная тема – мироощущение автора, находящегося в пограничном положении: с одной стороны – кровотокающая пуповина, связывавшая его с малой родиной, которую он сильно любит и где любят его, с другой – мегаполис, где он никто и звать его никак. Написано очень искренне, без позы и рисовки, напористо так, динамично, местами – жёстко. Автор – неплохой психолог на уровне интуиции, как будто чёткими мазками, набрасывает образы окружавших его людей и рисует окружающую его действительность.

Действительность, мягко говоря, не весёлая. Но это и не дно. И безнадёги как-то не ощущается. Тяжёлый изнуряющий труд за гроши? Почти что норма по нынешним временам – и не только в больших городах. За всем этим даже можно углядеть определённый оптимизм: люди-то колотятся, – как та лягушка, что попала в кувшин с молоком, но лапок не опустила. И люди-то адекватные, тяжёлым трудом добывающие себе какое-никакое благополучие. При-

чём, представители разных национальностей, культур, религий работают, ладят между собой, общаются... Преломляют хлеб(!) – а это почти причастие! Сильная нота!

Один год жизни – это ещё не осень, по которой цыплят считают. Жизнь – причудливая штука! Бац – и грузовик с пряниками на твоей улице перевернулся! Или ты оказался в нужное время в нужном месте – и у тебя произошло лобовое столкновение с удачей! Да мало ли что! Главное – «не оставляйте стараний, маэстро!..» В смысле – молись и трудись!

Надо бы ещё домен высшего уровня новый сделать и назвать его: «Yes». Это чтобы лет так через ... Vilesik, написав забористую вещицу, смог озаглавить её «Питер. yes». А над этой «Питера.net» - добродушно поулыбался.

М.Титовец,
провинциал без таланта

Предисловие

*Город – сказка, город – мечта,
Попадая в его сети – попадаешь навсегда.
(Танцы Минус)*

Сложно начинать... Должно быть начало, вступление. Зафигачить какой-нибудь штамп, например, но ведь это дневник, по сути, пусть таким и остаётся. Жизнь не нуждается в штампах, она просто начинается и всё. Примерно так и началось моё пребывание в Питере.

*Была середина сентября, когда мы с женой приехали сюда. На Ладужском вокзале суета, толкотня... И** набрала номер подруги детства, Кати П., которая, частенько тусила на Урале раньше, когда была ещё жива её бабушка, всю жизнь прожившая в Кырске... Там они и познакомились.*

*На момент нашего приезда в Питер их мало, что связывало. Катя была девушкой модельной внешности, с работой в каком-то крупном автосалоне и мечтой выйти замуж за какого-нибудь богатого парня, а И** мечтала о карьере художника, но больше всего она хотела навсегда обосноваться в северной столице. И вот это объяснить даже труднее, чем наконец-то начать повествование.*

Детская мечта о Санкт-Петербурге, его дворцах и разводных мостах, белых ночах и Неве... Как-то так в общих чертах. Когда мы только начали встречаться, она сказала: «Я после института собираюсь в Питер. Поедешь со мной?..» На Урале, при таком раскладе, у меня, без преувеличения, оставалось всё: родные и близкие, друзья, любимая футбольная команда, сине-белые цвета которой я никогда не поменяю на сине-бело-голубые, эти улицы, по которым мог пройти, наверно, даже с закрытыми глазами, это бездонное уральское небо над головой, и солнце, заливающее всё своим светом даже зимой, эти производственные темы, типа Уралвагонзавода, НТМК с его огромными трубами и красным дымом, демидовского завода, вида Лисьей горы по вечерам, но без неё это всё было бы лишено смысла, без неё нет жизни, как в постандартной серой золе. Мне хватило секунды на раздумья. Я обнял её и сказал, что поеду и что буду с ней до конца.

Катя П. взяла трубку и начала отмазываться, мол, принять нас у себя не сможет, т.к повредила ногу, поссорилась с другом и нашла ещё миллион причин, по которым мы теперь должны были вертеться, как хотели, сами...

Ночь мы провели в производственной гостинице ТЭЦ на Васильевском – такое было начало. Точнее – его не было...

Ви́раж

*Мой адрес – ни дом и ни улица,
Мой адрес сегодня такой.
(Ленинград)*

Через пару дней нашли какое-то мутное агентство, хотя, я думаю, половина из них такие. Договорились встретиться. Агентом была девушка со светлыми вьющимися волосами, постоянно болтавшая о своей работе. Квартиры, которые она нам предлагала, были, мягко говоря, трэшовыми. Комната в коммуналке, куда нас привели сначала, напоминала коробку. Компания гопников в подъезде, улыбаясь, под***вала, мол, смотрите, смотрите, соседи алкаши, сама комната без батарей и с чёрными обоями, ну такая очень уютная комната людоеда. Вторая, узкая, от стены до стены метра полтора в ширину, в соседях ещё десяток таких же комнат заселённых в основном узбеками, хозяин всего этого добра толстый прикинутый армянин начал зачёсывать об исторической ценности мебели и зеркал. На протяжении всего этого времени не покидало чувство чудовищного на*** то ли со стороны агентства, то ли со стороны хозяев. Мы продолжали искать дальше...

На третий день И*** позвонил агент, мы встретились на Ваське и двинулись во дворы на одной из линий. Дом представлял собой двухэтажное здание, явно старой постройки. Вошли в подъезд. На лестничном пролёте, между первым и вторым этажом, надпись во всю стену «Смерть вора́м с юга» или что-то подобное, по краям захреначены коловраты. Хозяйка квартиры, мутная тётка, осмотрела нас с ног до головы и сказала, что мы ей подходим. Прошли в комнату. Она узкая, в конце диван поперёк, от стены до стены, шкаф и тумбочка. До революции в таких комнатах размещалась прислуга, об этом нам поведала хозяйка. Лепнина под потолком, наверно, осталась ещё с тех времён. Вечером мы перевезли вещи. Соседи коммуналки – люди разные, кроме нас, ещё несколько семейных пар без детей. Всем им было друг на друга однозначно по*уй. Нас это вполне устраивало.

Депрессняк

Дело было в конце месяца, деньги наши медленно, но верно заканчивались, а работы по специальности или хотя бы просто работы не было. В стране – кризис, в газетах половина объявлений – на*** с целью отжать деньги, вторая половина – работа для проституток... Постоянно требовались только врачи и парикмахеры...

Питерская осень встречала нас дождями, которые шли постоянно, каждый день. Солнца не было, небо, не синее, а грязно-серое, висело очень низко над землёй, дополняя общую картину полного пи***. В один из таких дней я лежал лицом кверху на диване, втыкая в потолок.

Думал о нашем ближайшем будущем, которого у нас, как мне тогда казалось, не было, и быть не могло в этом городе. Я сделал запись в Контакте, не знал зачем, черкнул в заметках, ни о каком полноценном тексте речь не шла, потом ещё и ещё... Просто была необходимость выговориться хотя бы в сети.

Вот один из постов тех дней: «За*** всё! Ничего не хочу! Смысл жизни – в кайфе от того, что делаешь, а теперь и кайфа нет, я не чувствую его. Нет кайфа от работы (это была подработка; рисование макетов флагов, растяжек, баннеров и т.д.), она не доставляет удовольствия и не

приносит денег, нет кайфа, да и шляпа это, а не работа. У меня здесь никого нет, нет знакомых... Жена хочет чтобы зарабатывал больше, чтоб мы смогли переехать, а я ничего не хочу. Хочу жить нормально, но не знаю как. Не умею жить. Усталость чувствую, а больше, может, ещё злость немного. Я хочу уснуть и проснуться завтра счастливым, но это невозможно. Здесь нет будущего, в грязной коммуналке. Место, где нет радости, где всё просто так, кроме денег, это происходит. Холодное, злое место, без солнца, без друзей и родных. Это Питер – город контрастов, мать его!»

Мои патриотические чувства всегда ограничивались привязанностью к двум маленьким городкам, в одном из которых я родился и вырос, а в другом учился. Как у Растеряева: «...Может, чувство томящего милого воспоминания и есть любовь к Родине?..» Нельзя полюбить то, чего не чувствуешь внутри и не понимаешь...

Через друзей и родных, с которыми пытался хоть как-то общаться по инету, я чувствовал неуловимую связь с моей родиной, в этом нет пафоса. Я простой уральский парень и готов подписаться под этими словами при любом раскладе, даже живя в Питере. Я всегда больше любил уральский заводской красный дым и закат радиоактивных оттенков...

Когда я бывал дома, на Урале, я не кричал, подобно некоторым знакомым, мол, «не отсюда», я не болел за сине-бело-голубых здесь и не понимал тех, кто гонял за столичные клубы, живя на Урале. Это не правильно. «Легко поддерживать то, что достигнуто, давным-давно, совершенно чужими людьми» – говорил один мой тагильский знакомый, фанат ХК Спутника, Димыч, – «болею за команду города, откуда ты родом» и этим всё сказано.

Не понимал тех, кто восхищался красотами дворцов, каналов, разводных мостов, когда-то построенных для царей и придворных, а сейчас ежегодно реставрируемых для жирных американских туристов с огромными цифровыми фотокамерами... «Цветная обёртка» фасадов, а за ней тысячи человеческих жизней (и вот это уже интересно) у каждого своя история, которой может позавидовать любой экскурсовод по достопримечательностям города. Мне эти конфеты не по-кайфу, не настолько я люблю сладкое. Про «цветную обёртку» когда-то сказал мой друг Семён. Он был в северной столице всего раз, но уже тогда умудрился разглядеть её обратку, хотя говорил, конечно, в шутку.

Завод

Те дни. Приступы депрессуки в маленькой душной комнате, на одной из линий Васильевского острова. Я думал о том, что я здесь делаю.

Хозяйка мутила свои дела, пытаюсь на*** нас при любом удобном случае, но это было не самое плохое. По специальности оказалось не устроиться. С вышкой без прописки здесь такие же шансы, как и без диплома – т.е шансов нет никаких. Тогда я решил, что по*** на амбиции, ими сыт не будешь. Я приехал сюда, чтобы жить, а не подыхать, есть руки и желание работать, значит, всё остальное будет. И когда случайно подвернулась возможность пойти на металлорезающий станок, на завод, я согласился не раздумывая...

Завод находился на ст. м Звёздная. В своё время это действительно было нехилое производство. Колбасный завод занимал огромную площадь, отгороженную заборами с колючей проволокой, но Советского союза не стало и производство по***, а на территории предприятия со временем стали появляться маленькие частные шарашки. Все они мутили разные темы, точно я не знаю, хлебобулочные изделия, что-то связанное с цементом, карнизы и отливы из нержавеющей стали, москитные сетки для евроокон и т.д.

В восьмом часу утра я встретился с бригадиром... Мы поздоровались.

Парня звали Антон. Он был моложе меня на пару лет, но жизнь и тяжёлая работа сформировали в нём бойца по характеру, без образования и далеко от родного дома (он был из Краснодара), смог закрепиться, и молодо не выглядел. Год назад, против воли родителей, Антоха вместе со своей девушкой переехал в Питер. От предков он помощи не получал, содержал себя и платил за обучение в вузе подруги. Жёсткий был чел. Всегда спокойный, принимал решения быстро и чётко. Я не помню, чтобы он вообще ошибался. Не было ни одного возврата его работы (возвращали наш брак, его стоимость вычитали из зарплаты). На моей памяти, он ни разу не про*** смену и ни разу не опоздал. Антоха был пробивным малым, перемены произошли в его судьбе и это не могло не сказаться на его мироощущении, но главное, я уже тогда, с первых дней, заметил, что чувак знал чего хотел от жизни и старался не приспособиться, а изменить жизнь под себя, это заслуживало уважения.

Мы с Антоном прошли напрямки мимо Макдака и вышли к заводу. Огромные ворота, по краям которых стояли два здоровенных литых памятника быкам, как совдеповское напоминание о том, что когда-то завод был колбасным. Миновали проходную и пошли в глубь территории. Дорога перерыта, кругом горы металлолома и какие-то трубы, на снегу я увидел множество мелких следов и спросил у бригадира: «птицы?» Антоха мельком взглянул на ходу и сказал: «Крысы. Огромные, с*ка, как кошки. Их здесь много т.к жратвы много, даже у

нас бегают.» Зашли в двухэтажное помещение, раньше в нём была химлаборатория. На первом этаже несколько комнат. «Здесь сетки делают для евроокон», – показал Антон, – «а там гнут карнизы и отливы. Я занимаюсь сетками, а Шавкат – главный по железу».

Я поздоровался с Шафкатом. Шавкат Дарвишев был узбеком. Вместе с ним здесь работали еще человек пятнадцать узбеков, которых он подтянул в Питер следом, жили они в этом же здании. Работали днём и ночью. Одна половина спала днём, а ночью хе*** карнизы и отливы, другая, соответственно, наоборот. Шавкат гнул по несколько сотен карнизов за смену, а это до***, если было необходимо, без перерывов на обед и отдых, перевыполняя план в два-три раза каждый день. Выходных у него тоже не было. Премия его получалась в несколько раз больше обычной заработной платы. Шавкат рассказывал, что у него нет особого выбора, в Узбекистане жопа с работой, нищета и пи***. Он поддерживал, находясь здесь в Питере, всю свою многочисленную семью, отправлял им денежные переводы. Это было поначалу. Потом закрепился на производстве. Выстроил, со временем, у себя на родине, в солнечном чуркестане, дом. Шавкат говорил: «Здесь я в***, а домой приезжаю королём». Он чётче остальных понимал, зачем ему это надо. У себя в Узбекистане его ждала нормальная (!) безбедная старость, которую он зарабатывал здесь себе тяжёлым трудом.

Затем мы с Антохой прошли в офис, который располагался на втором этаже. Уютная такая комнатка. Две девушки при виде нас заулыбались во весь рот.

– Новенький?.. – спросила одна из них. – Симпатичный. Женатый?.. Верный?

– Да. – улыбнулся я.

– А вот мы проверим. – подойдя, сказала вторая и повела красивой, выставяющейся из блузки, грудью. Потом окинула меня взглядом с ног до головы и подмигнула. Я от такого внимания заметно занервничал. Из другой комнаты выглянула главный бухгалтер и жестом поманила к себе в кабинет. Потом закрыла дверь и предложила присесть. Сама расположилась напротив меня и закинула ногу на ногу, обнажая их выше коленей. Она была в чёрных чулках.

– Начальника пока нет. Можно задать несколько вопросов? – с этими словами, она чуть подалась вперёд, и я констатировал про себя, что грудь у неё ещё красивее, чем у девушки в соседней комнате... Эрекция разыгралась не на шутку, а женщина, чувствуя это, заигрывала с большим интересом.

– Можно... – сглотнул я, наблюдая за ней.

В самый подходящий момент в кабинет заглянул Антоха и сказал, что нам нужно идти. Мы вышли и спустились на первый этаж.

– Ты поосторожней с ними – вполголоса сказал бригадир – оглянуться не успеешь, как переспшишь с кем-нибудь из девушек. Особенно от бухгалтерши держись на расстоянии. Это я тебе, как женатому человеку, советую. А то здесь корпоративы, туда-сюда, сам не заметишь, затащит в тёмный угол и тогда неизвестно кого красивой тра***, ты её или она тебя...

*Маленькие гоблины,
Маленькие хоббиты –
Отпрыски кислотные.
(Крематорий)*

На работе Антон слушал Drum & Bass, только одну радиоволну, вроде Рекорд, хотя я не уверен, которая фигачила, не переставая, с утра до вечера... Он постоянно ходил на рэйвы типа “Пиратской станции” и подобные темы. Я в этом не силён. Антон рассказывал, что после “Пиратской станции” люди продолжают долбиться даже в вагоне метро по дороге домой. Он с нетерпением ждал очередной тусы, о которой постоянно твердили по радио между композициями.

Я не разделял музыкальных пристрастий своего бригадира, но по большому счёту, мне было всё равно, лишь бы фонило немного – так проще работать. Примерно той же точки зрения, что и я, придерживался Колян. Это был незаменимый для Антона человек, можно сказать, его правая рука.

Колян работал на производстве чуть меньше по времени. Маленького роста, крепкий и светловолосый. Его родным городом был Псков. Коля почти всегда молчал, если же говорил, то в основном по делу. Был гоповатым

в общении, но никогда не был гопником.

Один раз, после корпоратива, нам с ним пришлось выйти в выходной. Все были немного с бодуна, поэтому «драма» не было. Колян обратился ко мне:

– А у тебя в плеере, что за музыка?

– Сектор Газа. – ответил я.

– Врубай, а то за*** этот драм-н-бейс. – улыбнулся Коля.

Мы подключили плеер к колонкам. И когда раздался голос Юры Хоя: «Не пугайся, дорогая...», то Колян захрипел в ответ: «... у меня на шее кровь. Что со мною я не знаю, ты мне воду приготовь...» Третий наш напарник, вечный бухарь Дима, который в тот день болел больше всех, время от времени, подтягивал в припеве: «Ведь меня укусил вампир...»

Короче, на*** мы брака тогда, вернули нам его через неделю, а деньги за возврат вычли из з/п. Не накосячил только Антон, который взял отгул у начальства ещё накануне.

Насколько я знаю, Антоха уломал Коляна, чуть позже, пойти с ним на «Пиратскую станцию». Причём уламывал он его долго и довольно убедительно, а нам с Димой говорил между делом: «Походу, Коля плохо одупляет куда идёт» и посмеивался, как клоун Теодор.

Дима. Тот ещё кадр. О нём одном можно написать книгу и я бы, ей богу, так и сделал, если бы знал его получше. Когда Димас пришёл на завод, он показался мне обычным гопником, но первое впечатление обманчиво. Если случался какой-то трэш, этот чувак всегда был в его эпицентре. Например, после, уже упомянутого мной, корпоратива, Дима бухал с Антохой и Коляном где-то в районе Звёздной. Потом Антону позвонила подруга и он слился. Как-то так получилось, что и с Коляном они разминулись, причём первый после этого попал в трезвяк, а второй в публичный дом.

Колян медленно, но верно, продвигался в сторону дома, там же на Звёздной. На пути случайно, как это бывает, попался ментовской бобик с двумя товарищами при исполнении, те вышли и стали докапываться до Коли, спрашивать документы и выяснять, почему ночью в таком виде. Документов не оказалось и ребята, было, хотели упаковать его в машину, но Колян без боя не сдался. Менты навалились вдвоём. Наручники надеть никак не удавалось, Колян таскал их на спине, как котов. Наконец, через пятнадцать минут его утрамбовали в козелок. «И тут» – рассказывал герой – «я подумал по***, устал...» и перестал сопротивляться, а потом думаю через минуту: «... да ну на***, не

хочу в трезвяк». Ногой по двери. Колян вновь вывалился из машины и сопротивлялся, как минимум, ещё минут пятнадцать...

В то же самое время Дима вызвонил своего старого приятеля, тот составил ему компанию. После очередной бутылки водяры знакомый предложил поехать к проституткам. Димасу инициатива навестить бл*дей понравилась. «Давай!» – засмеялся он. Приехали. Дима выбрал себе девочку. Они уединились в комнате, та предложила выпить водки. Дима и так был довольно бухой, но от водки не отказался. После чего его пробило на романтику, и он попытался наставить проститутку на путь истинный.

– Зачем тебе это надо?.. – говорил чел. – Работы, что ли, нормальной нет?

– Я мужа кормлю! – ответила девчонка.

Это, видимо, была заготовка, которая чувака деморализовала окончательно. Потом он тра*нул её. После чего уснул и дальнейшего развития событий не запомнил.

Проснулся утром у себя дома, как и кто его туда доставил, так и осталось неизвестным...

Любовь в большом городе

*Вон там вдали,
вон за Невой она, она –
Любовь...
(ДДТ)*

Было дело, во время перекура, мы трое, Антон, Коля и я, спорили на такую тему: есть ли настоящая любовь... Может смешно, конечно, но хули делать. Не помню, кто начал разговор, но минут через пять Антоха уже заряжал:

- А ты-то, Колян, веришь в любовь?..
- Верю. Я подругу люблю. – ответил тот, подумав, и заулыбался.
- Ага. Что ж ты ей тогда изменяешь?.. – засмеялся бригадир.

Колян замялся, а потом спросил: «А ты-то веришь?.. У тебя была первая любовь?..» Антоха сразу резко изменился в лице, помрачнел, хотя продолжал делать вид, что бодрится.

Потом закурил и сказал: «Я в детстве с девчонкой дружил. Красивая была, девочка-красавица. Мы просто дружили. Везде вместе, а раз на горках зимой катались. Я съехал, дождался её внизу. Она – следом. И уже подниматься

хотела со снега, как вдруг какой-то у*** сверху с горы спустил ей на голову пустые санки и они въехали моей девочке красавице углом прямо в глаз. Я подбегаю к ней, она плачет, размазывает глаз по лицу и кричит: «Мама, мама... больно...» Антон затушил окурок и тупо уставился в одну точку, как будто, раз за разом, прокручивая в голове эту картину... Всё было, на самом деле, по жести.

- А ты, Андрюха, веришь в любовь? – обратился ко мне Колян.
- Конечно верит, видишь – кольцо обручальное носит. – вмешался Антон.
- Обручальное кольцо – не показатель. – сказал Коля и загадочно улыбнулся.

Я молчал на протяжении всего спора и думал, а когда Коля задал вопрос, сказал, что не знаю. Не люблю разговоры о таких тонких материях, потому что боюсь ошибиться. Как отличить любовь от привязанности?.. Страсть от похоти?.. Нет критериев, по которым можно это определить хотя бы приблизительно...

Был на заводе ещё один чел – скобарь Валера. Вот он говорил, что женщина должна быть: королевой на людях, кухаркой на кухне и проституткой в постели, а в совокупности – это идеальная женщина, которую мужчина будет любить всю жизнь, и от которой никогда не уйдёт... Шавкат утверждал, что женщина – это бесправное существо, которое во всём должно подчиняться мужу. Рабская такая точка зрения у него была. Валера на это запрягал Шавкату как-то раз:

– Ну вот будет она, как раба, тебе во всём подчиняться, а как же доверие?.. Да и любви, при таком раскладе, в отношениях нет никакой...

– Это традиции. – спорил тот. – Поговорку знаешь?.. Жена дешевле ишака.

– Вот ты и не можешь с девушкой познакомиться никак со своими традициями – захохотал Валера, ловко загибая очередной карниз – какая нормальная красивая девушка захочет тебе подчиняться?

Шавкат в ответ отвернулся и замолчал...

Антохины байки

Обед. После стандартного перекуса речь у нас с Антохой и Коляном зашла о том, что много в Питере мест, где трэша гораздо больше, чем в центре, мест, где жить страшно, питерская окраина небезопасна, но есть места и вовсе гиблые.

Одному богу известно, сколько на улицах маньяков, насильников, психов. Большой город таит в себе большую опасность, это понятно.

Антоха рассказал нам, что есть рядом с Пушкиным, под Питером посёлок, где находится диспансер для людей с врождёнными вирусными заболеваниями и дефектами. В обществе такие люди жить не могут, они живут на территории обнесённой колючей проволокой, их заболевания неизлечимы, как чума в своё время, поэтому после смерти их не хоронят, а просто сжигают в крематории, который находится там же.

Жители посёлка, не раз, слышали звериные крики, доносящиеся с территории диспансера, чувствовали запах палёной шерсти... А некоторые, утверждали, что видели ужасные существа: женщину, полностью покрытую звериной шерстью, не говоря об уродах с двумя лицами и другими дефектами.

– Говорят, – рассказывал Антоха, – есть там заброшенная церковь в посёлке, откуда тоже странные звуки слышны по ночам, трупки в окрестности находят частенько, то один, а то и несколько за ночь. Некоторые старожилы утверждают, что видели смерть с косой, которая ходит ночью по улицам посёлка... На этом Антон завершил повествование и закурил...

Колян немного помолчал, потом выпил чая, почесал затылок и сказал: «Пи*** ты всё!..»

В инете про этот посёлок инфы я почти не нашёл. Да и та, что нашёл, была рекламного характера. Предлагалась то ли зола на продажу, то ли удобрения для растений... Только почему-то от этих объявлений и скудности информации мне стало как-то не по себе, а в душу закралось сомнение – вдруг бригадир не пи***.

Была черта в Антохином характере, чего греха таить (хотя он старался этого не показывать нам) жестокость к людям, я понял это, немного пообщавшись с ним. Чужая боль не только не вызывала у него жалости, нет, он испытывал интерес к жестям. В его видео коллекции, как он сам рассказывал, находились записи времён второй мировой войны, оцифрованные, на которых были засняты садистские лабораторные опыты фашистов... где живым людям, без наркоза, вскрывали пилой череп и проводили эксперименты над мозгом, как будто это животные, крысы какие-нибудь или лягушки. Он рассказывал про видео, на котором азиатка за деньги выдавливает себе глаз ложкой и съедает его...

– Антоха, зачем тебе этот трэш? – спрашивал я.

– Так просто, нервы пощекотать. – улыбаясь, отвечал тот.

Честно сказать, я побаивался этих разговоров. В такие моменты он производил впечатление человека, который мог расчленить тебя и не стал бы ни капли сожалеть об этом. Может быть, я ошибался, кто знает. У каждого из нас свои тараканы в голове. Байки из склепа – одно слово...

Между небом и землёй

Был офигенно большой заказ на карнизы и отливы, поэтому в тот день вышли обе смены... Было человек десять узбеков, хотя я их не считал, и мы в полном составе.

В мафоне омерзительно мяукало Love радио... На лицо – несоответствие, 10 или даже больше человек узбеков слушали русскую попсу со всеми её сиськами, попками, тачками и прочей хренью... А когда запела Шахзода: «Между небом и землёй, где никто нас не найдёт, поцелую я тебя, если очень повезёт», нацмены вообще побросали работу, сделали звук на полную, колбасились и подпевали все вместе.

Шавкат радостно обхватил меня ручищей за плечо и сказал:

– Знаешь такую певицу – Шахзода?.. Она землячка наша... Узбечка...

Я был немного в а*** от происходящего и не нашёлся, что ответить.

Колян, улыбаясь, посмотрел в сторону Шавката и переспросил:

– Кто-кто поёт?..

– Шахзода! – радостно заорал тот сквозь грохот загибаемого металла...

Коля недоумевающе посмотрел на своего напарника по станку, узбека Ширзота.

– Ширзот? – засмеялся Колян. – Так это ты поёшь?.. Ширзот, Ширзот давай-ка ещё разочек напой! Узбек в ответ посмотрел на него тупо, по-русски он не знал ни одного слова... Шавкат перевёл ему на узбекский и тот долго ржал и о***ал вместе с остальными.

И не было никакой разницы, узбеки и русские, которые даже объяснить иногда не могли, чего хотят друг от друга по работе, е***нержавеющие карнизы и отливы под попсовую музню и текст, примерно такого содержания: «Через горы и моря я всю Землю обойду. Не могу я без тебя. Может я тебя люблю?..»

Парадокс, н*х, а если вдуматься, то, наверное, это, всего-навсего, реальная жизнь, которая заставляла считаться друг с другом. Разные обстоятельства, благодаря которым мы все оказались в одном городе, на одном заводе и за одними станками, это жизнь, в которой было место и тем и другим... Вот и всё.

Утро. Середина недели. Переодевались в рабочее, готовились к трудовому дню. В комнату зашёл Колян. Антоха заорал ему из угла: “Я голый!” “Да и х** с тобой!” – заорал ему в ответ Колян. Последним зашёл Дима. Я налил себе кофе и упал на стул. «Счас е*** пару сотен карнизов и отливов и всё будет хорошо» – отпивая из кружки, сказал я. Димас засмеялся: «Хорош аутотренингом заниматься. Ты каждый день это говоришь! Типа, я смогу, я смогу.» В дверь постучался Шавкат, лицо его было помято после сна. Он сел рядом со мной за стол и закурил. Я, говорит, в отпуск домой в Узбекистан собираюсь на новый год. Кому чего привезти?.. Сувенир. Антоха подумал и сказал:

- Нож привези ручной работы.
- Это с наборной ручкой? – уточнил Шавкат.
- Ну да.
- Ну х** его знает, он дорогой.
- Бл*ть, дорогой, у тебя по меркам твоей родины денег, как у короля.
- Ладно, привезу. – согласился Шавкат.
- А тебе, Андрюха, что привезти?.. – обратился он ко мне.

- Шарфик привези для коллекции. – засмеялся я.
- Пахтакор тебе привезти? Ладно, привезу.. – засмеялся Шавкат вместе со мной.

Колян закрыл шкаф, звякнув железяками, которыми была обита дверца от крыс.

- А мне ничего не надо.

Мы все поднялись со своих мест и выдвинулись к станкам... Рабочий день начался.

Свалил я с завода перед самым новым годом... Бригадир отговаривал, говорил, мол, не тема это, что сейчас до февраля месяца работы по всему Питеру не найти и что, лично ему, больше импонирует работать с русскими парнями нежели с нацменами...

Дело было даже ни в том, что работа пи*** тяжёлая... Просто как-то исчерпало это всё себя... За*** вставать каждый день в 5:45 утра, потом ехать в метро, за*** крысы, снующие туда-сюда под ногами, как домашние животные, за*** вся в грязи и цементе дорога по территории предприятия, эти е*** на*** никому из нас не нужные карнизы и отливы, спрос на которые был огромен. Гнуть металл – ни*** не здорово, и это подтвердит любой из тех, кто его гнёт.

Написал заявку, отработал ещё две недели, как положено, а в последний день перед уходом ко мне подошёл Шавкат и сказал:

– Андрюха, ты ведь вроде пишешь что-то?.. Дневник ведёшь?..

– Бывает. – улыбнулся я.

– Ну вот, посмотри на это... – он показал рукой на маленькое помещение первого этажа, где

стояли металлорежущие станки, – как ты это всё опишешь?..

Мы все замолчали, а Шавкат добавил грустно улыбнувшись:

– Про меня не забудь написать...

Я посмотрел в сторону Коляна и Антона, они переглянулись. Было в их взгляде что-то такое, что все мы поняли без слов...

Персонажи моей книги – вот они, самые настоящие, такие как есть, стояли рядом со мной. Парни без пафоса и понтов, без столичных за***... Просто им некого было обманывать, не перед кем вы***... На заводе, один х**, уважали не за это.

Потом мы пожали руки, и я ушёл с предприятия, по раскисшей от дождей и цемента дороге, через проходную. Больше никого из них я никогда не видел...

Из квартиры на Ваське нас вых***, т.к. платить за неё теперь мы были не в состоянии. Перебрались на время к подруге И*** Алле, она снимала комнату в районе ст. м. Выборгская, тоже коммуналка. Соседями были украинка Лара, женщина с пи*** стержовым характером, но доброй душой, с мужем кавказцем. Не помню, как его звали. У Ларисы он был третьим. Еще с ними жил его сын, она ему приходилась мачехой... По-русски этот парень вообще ничего не знал кроме «здравствуйте» и «спасибо». Для меня было загадкой, как они понимали друг друга, на их языке Лара тоже не разговаривала. Её мужа и пасынка я видел очень редко, они уходили на работу в четыре утра и приходили поздно вечером, работали где-то на овощной базе, а с ней самой мы общались довольно хорошо, по-соседски.

В другой комнате жили две женщины, с Владикавказа – Лия и Ира. Обе имели медицинское образование, но по специальности, медсестрой, в Питере смогла устроиться только Ира. Лия говорила, что медицина – это не её. Она работала то ли продавцом в овощном отделе, то ли на складе, я не помню. Ире, вообще, как-то больше фартило в этом городе... Лия же скучала по родине, часто звонила родным и плакала в темноте на кухне. В своё время они бежали от бедности и безработицы, а сейчас возвращаться им был не расклад, некуда и не к чему...

*Праздник к нам приходит! Always Coca-Cola.
(Реклама)*

Чтобы не даться ё** от депрессуки и голода и заработать хоть какие-то деньги, я тогда пошёл в грузчики. Всё получилось спонтанно. Телефончик шарашки, которая занималась погрузочно-разгрузочными работами, мне дал знакомый парень Дэн, я случайно его встретил в метро. Когда-то мы учились на одном факультете в инстике и даже на одном курсе.

– А что за работа? – спросил я.

– Да фигня, ездешь с шофёром, таскаешь чипсы и колу. Кока-кола не тяжёлая, чипсы тем более.
– ответил Дэн.

По телефону позвонил, а на собеседование сгонял на следующий день.

На чипсы и колу я не попадал по времени, т.к. до Парнаса, автобус с бригадой работяг дальше шёл именно оттуда, на метро с другого конца города никак не успевал. Начальник всей этой движухи предложил:

– На чипсы не получается, значит... Хочешь на двери пойти тогда?

– А что за двери? - спросил я, заметно очкуя при этом. – Вот тебе, б***, и Кока-Кола с чипсами... (но это уже не вслух).

– Обыкновенные металлические сейф двери, корейского производства. – отчеканил чел, судя по реакции, я не первый задавал ему этот вопрос.

– Да. – сказал я и уже про себя подумал: – где наша не пропадала, наша пропадала везде – от этих мыслей стало ещё очковее...

Через пару дней вышел на работу. С бригадиром я встретился рано утром на станции метро Автово. Его звали Салон. Средних лет, маленького роста, но крепкий, таджик, хорошо понимал язык и сам говорил по-русски, но с чудовищным акцентом. Кроме нас, на точку сбора подтянулись ещё несколько человек, тоже таджики. Мы сели на маршрутку и поехали хрен пойми куда. Салон, улыбаясь, сказал, что я сам всё увижу... И он не соврал.

Десантировались на трассе и направились в сторону Царского села, не соврать, но километра четыре мы прошли железно. Потом ещё один поворот налево, какие-то заброшенные склады. Продвигались внутрь территории, таджики весело бубнили на своём языке и смеялись. Кроме восьми таджиков был среди нас здоровенный русский мужик средних лет и армянин. Мужик был странноватый, чего там говорить, первый вопрос, который он мне задал, как только меня увидел: «Мы с тобой раньше нигде не встречались? Где-то я тебя видел.» Потом парни сказали, что он всем задаёт этот вопрос. Я пожал плечами. Армянин же был ментом, учился в школе милиции, после смены, кстати, он порассказал про ментовские уловки, на которые при случае попадаться не надо, но об этом я напишу позже...

А пока мы зашли в сторожку рядом со складами, фуры должны были подъехать с минуты на минуту.

– Сколько будет машин? – спросил я Салона.

– Может три, может пять. – улыбаясь, ответил бригадир.

Фуры представляли собой масштабное, мать его, зрелище. Огромные, длинные, с*ка, как поезда. Их комплектовали в Корее с помощью специального оборудования, загружали сейф дверями под завязку, двери упаковывались плотно в два ряда и докидывались сверху ещё, под самую крышу... Сюда они шли пломбированные... Здесь в России таджики срывали пломбы и разгружали фуры вручную, т.е всю работу производимую в загранке с помощью погрузчиков и прочего, эти ребята делали «пердячим паром». Никакой тебе

страховки, никаких отпусков, никаких обедов...
 Одного таджика подсаживали и он, как таракан,
 забирался под самую крышу, потом сверху
 сталкивал двери, их принимали через головы
 ещё двое, стоя на каких-нибудь х***ких лесах,
 а то и просто на бочках, внизу дверь ловили ещё
 двое... В случае, если бы дверь въехала кому-
 нибудь из нас в голову, ответственности за нас
 никто не нёс, не говоря о переломах и ушибах,
 последние случались, понятно дело, каждый
 день...

*И, взяв пять хлебов и две рыбы,
 воззрел на небо, благословил и,
 преломив, дал хлебы ученикам...
 ...И ели все и насытились...
 (Евангелие от Матфея)*

В тот день мы фигачили особенно
 сильно... т.к. пришло пять фур и разгрузить их
 надо было по любому, если бы мы не успели
 всё сделать днём, то продолжили бы ночью...
 Я старался работать наравне с таджиками, вот
 в тот момент я и понял, что это практически
 невозможно... Они кидали двери из фуры и
 складывали на рохлю с огромной скоростью,
 потом тащили рохлю на склад и там ставили
 двери в ряды перпендикулярно широкой стене...
 Ещё один русский чел и армянин, про которых я
 уже упомянул, благополучно про*** в это время.
 Армянин сказал мне прямым текстом: «На*** я
 буду голову подставлять под стальные двери!
 Е*** оно всё конём.» Я, в принципе, был с ним
 согласен, но батя меня по-другому воспитывал,
 если про***, то про*** дома, а если работаешь,
 то работай наравне со всеми. Объём работы
 пи***... Работали до обеда, потом Салон сказал
 нам: «Пошли поедим».

Мы зашли в сторожку. Места было мало, все сидели плечо в плечо, с мороза лица у всех горели. Таджики вскипятили чай, достали лепёшки и заварили лапшу б\п. У меня с собой ничего не было, т.к дома шаром покати и денег ноль. Салон посмотрел на меня. Потом протянул мне свою кружку с чаем и отломил половину лепёшки.

– Попробуй, это таджикские лепёшки. – сказал он. – Кушай, вкусно.

Я поблагодарил, съел преломленный с этими людьми хлеб и запил чаем. Потом передал кружку парню, сидящему слева, молодому таджику. Он был моих лет, с чёрными невымытыми волосами, в кожаной куртке и рабочих перчатках, которые не успел ещё снять...

В них не было злобы. Для них неважно было, как я выглядел, во что был одет. Мы были равны. Все были работягами в мутной погрузочной шарашке. И не более того, но и не менее. Я преломил хлеб с этими людьми и мы, уже по определению, не могли быть врагами...

Просто – все мы люди. И если Библия, Коран (или, что там ещё) нас ничему не учит, то, х***, научит сама жизнь... Я в это верю, хотя говорю, конечно, только за себя...

*Ведь руль управленья пропили на старте.
(Красная Плесень)*

Выходили с обеда, как на последний бой, нах!.. Не укладывались по времени, а это значит – ночка обещала быть весёлой. На обеде армянин с русским поспорили, что второй не выпьет бутылку водки 0.7 залпом... В общем, ударили по рукам. Русский заболтал содержимое бутылки и засадил его в себя не останавливаясь. «Вот, б***, так умеют пить только грузчики» – радостно крикнул армянин и похлопал меня по плечу. Русский молчал секунд восемь, а потом пустил слюни и осел на пол, рабочий день для него, по ходу, был закончен... Заночевал он в этой же сторожке.

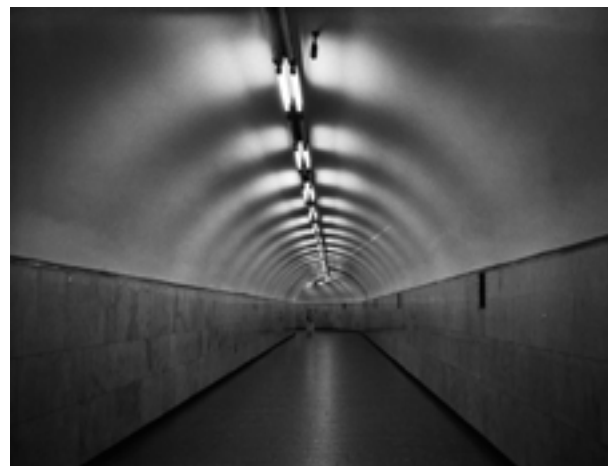
Я держался из последних сил, таджики тоже устали, но выглядели посвежее. Нагрузили полуую рохлю дверей. Вес немереный. Кто-то из них встал перекурить и я решил вывезти рохлю из фуры самостоятельно. Далее по металлическому листу на бетонное возвышение метр высотой от земли, и вот здесь необходимо было рвануть руль влево быстро и резко, чтобы эта хрень на полном ходу развернулась и въехала на скорости в двери склада, а там ещё один уже из бетона спуск до пола... Таджики с этим справлялись

легко, рулил этой тонной железа на колёсах в основном Салон...

Ну, в общем, потащил я рохлю за собой... и в тот самый ответственный момент не смог рвануть руль, рука дрогнула. Рохля, громыхая, съехала из фуры по железному листу на бетонное возвышение, при этом, не хило разогнавшись, на скорости задела Салона и он улетел в сугроб, как будто его там и не было. Через мгновение эта хрень по прямой догнала меня и одна из дверей въехала углом мне в ногу, хотя в тот момент я ничего не почувствовал. Открыл глаза, я в сугробе, пошевелился, вроде ничего не сломано... Посмотрел вверх, а надо мной болталось, свешиваясь с бетонки, колесо ё*** девяносткилограммовой рохли... Не хватило ей разгона, чтоб накрыть меня следом и размазать по земле, как кусок говна, она только сбросила меня с возвышения в снег и остановилась... Подбежал Салон и, помогая мне подняться, сбивчиво сказал: «Вай, Андрей, зачем же ты берёшься за руль, если у тебя нету права». Мы оба засмеялись...

На ноге, точнее на заднице, осталась огромная кровавая ссадина, которая долгое время не давала нормально сидеть, болела всю вторую половину дня и всю оставшуюся неделю...

После работы вернулись в город, на Автово, и спустились в метро. Таджики заметно занервничали и ускорились, на ходу распадаясь на мелкие группы. Перед турникетами стоял толстый мент. Салон проскочил прямо перед ним, тот его, как будто, не успел заметить. Потом спохватился и тормознул молодого таджика, который тоже был с нами в смене, шёл рядом со мной. Таджик замахал руками и начал что-то выкрикивать менту на своём, тому, в свою очередь, было по барабану. Парня ждал обезьянник, т.к откупиться ему было нечем.

Закон джунглей, х***. Естественный отбор. Раз есть хищники, значит и жертвы найдутся. Только весь фокус в том, что тормознул он таджика ни ради проверки документов (понятно, что таковых у парня не было), а только ради денег. Добыча погонов – деньги и ничего кроме них. Им неважно, какой у тебя паспорт, российский или другой. Гражданин ты своей страны, соседней или вообще не гражданин – это никого не волнует в принципе, людям в сером пофиг. Это печально, ей богу. Нет питерской прописки, а это значит, что для ментов ты – предмет наживы не более того, и в этом у нас, т.е. у них, интернационал полнейший...

*Мы «кузькину мать», б***,
Любому покажем!!!
Славься, Россия,
Родина наша!!!
(Красная Плесень)*

Шёл, зарываясь по колено в сугробы, домой с работы. Ветер фигарил прямо в лицо, было холодно на улице, в плеере долбила «Красная Плесень»... Люблю эту группу. За жёстким глумом и матерщиной, темы настолько глобальные, почти космические, что руками только можно развести. «Ленин встал, развёл руками, х*** сделать с дураками!» Может немного не к месту.

И вот оставалось перейти дорогу, потом в арку и я дома...

...В противоположном направлении, мне на встречу, двигался мужик в очках. Не божж и не запойный алкаш точно, лет сорока пяти-пятидесяти в одной клетчатой рубаше с коротким рукавом, расстёгнутой на груди, в домашних штанах... в руках два пакета с одеждой, на ногах шлёпанцы, которыми он пинал снег, пальцы на ногах были синие, стопудово уже отмороженные, покрылись корочкой льда и снега.. Передвигался

он неровно т.к был очень пьяный, но твёрдо и уверенно.. В мозгу моём почему-то сразу явно нарисовалась картинка откуда он идёт и почему, а топал он наверняка из дома, где поцапался окончательно с женой или с кем там ещё (?), собрал самое необходимое, по его мнению (что уместилось в двух полиэтиленовых пакетах)... и ушёл... хлопнув дверью.. Я не знаю, хлопнул ли он дверью, но мне, почему-то, очень хотелось верить в этот момент, что хлопнул. Шёл он довольно уверенно в зиму по 15-ти градусному морозу, с трудом, но всё равно уверенно т.к. идём все мы, когда нам некуда идти...

И я зареспектовал чуваку мысленно, ведь если бы оказался на его месте, хотел бы поступить точно также!..

Вот она – наша страна... замёрзшая, идущая неизвестно куда, но гордая и непокорённая... перед моими глазами, смотрела на меня мимоходом, а я смотрел на неё... И, б***, понимал, как никогда раньше, что мы непобедимы потому как нам, один х**, нечего терять!..

Тяжеловато на душе... Я всё больше напоминал себе пьяного человека, запутавшегося в развешанных простынях... Со стороны, наверняка, так и выглядело... это, может быть, выглядело смешно, но только не для меня... смешно, б***, для тех, у кого есть крыша над головой, е*** работа в офисе, куча бумажек и геморрой в заднице... есть хоть и эфемерная, но уверенность в завтрашнем дне, и я зуб даю, что за эту уверенность мы, все без исключения, готовы при любых раскладах в*** всю жизнь. Тогда стоит ли смеяться над всем этим пи***? Зачем смеяться над собой?.. Ведь я, всего лишь, как любой другой, использовал все имеющиеся у меня тогда возможности...

Денёк был на удивление тёплый и снежный, как у Высоцкого “День на редкость, тепло и не тает, видно, есть у природы ресурс...”

Мы, т.е я, Салон и несколько незнакомых мне раньше таджиков выдвинулись от ст. м Кировский завод непосредственно к самому заводу... Мы шли по направлению к складам..

– «Что сегодня будет?» – спросил я у одного из таджиков, он был постарше и всегда работал в связке с Салоном.

– «Надеюсь, снег...» – ответил тот, имея в виду расчистку снега, а потом добавил – «А, может,

и не снег.» В его голосе прозвучало нехилое сомнение. Оказалось, что ни*** не снег. Три фуры под завязку забытые суповыми приправами откуда-то из Кореи должны были подвезти с минуты на минуту. Салон говорил, мол, хорошо, что не горох или масло. Он объяснил, что горох при разгрузке высыпается из мешков, работяги на нём постоянно падают и травмируются, а коробки с маслом зимой, вообще, от стен фуры и друг от друга без ломика не отодрать...

Мы зашли в теплушку... Там с нами поздоровались два парня моего возраста, тоже грузчики нашей шарашки. Один из них точно был фанатом, да и второй, думаю, тоже. Увидев на моей голове шапочку Зенита, он показал мне свою розу и сказал: «Ты здесь такой не один.» Мы ждали фуры. Чел расспрашивал кто я и откуда, параллельно повествуя немного о себе. Звали его Александр. Он гонял за Зенит в рядах Невского фронта, с которым пробил ни один хардкорный выезд за клуб. Рассказывал об акциях, в которых участвовал. И время от времени, доставая из под стола батл, предлагал выпить с ним «За Зенит и большие сиськи!» А впереди нас всех ждал прорыв имени Чапаева, никак не меньше...

Вскоре я подхватил сильную простуду и слёг. Работали мы, как правило, по уши в раскисшем снегу и грязи, в холоде. Бывало, что и отогреться-то толком было негде. Когда отошёл, то в шарашку возвращаться не стал...

*Это солнце для нас никогда не светит.
Этот город для нас ничего не сделал.
(Магнитная Аномалия)*

Это ведь не город такой, т.е не от города зависит наше благополучие, а от нас самих и от обстоятельств немного. Многие едут в Питер «за туманом», за своими розовыми мечтами... Несколько человек, мои хорошие знакомые, переехали в СПб примерно в одно время со мной, у некоторых из них я спрашивал: «А зачем?..» Ни один не дал более или менее вразумительного ответа, всё сводилось к тому, что «здесь круто», «здесь больше возможностей..» или «здесь общение и люди более неформальны»... Оправдание, точнее, отмаз для самих себя, мол, общение более неформальное... Я смеюсь, ей богу. Мне смешно оттого, что, по их мнению, общение за пределами двух столиц формальное... Да это нифига не аргумент...

Так вот, многие едут в Питер «за туманом», а когда туман рассеивается, то в радиусе видимости ничего не остаётся... ни работы, ни денег, ни дома... Сюда едут музыканты, художники, писатели... едут чтобы донести до других людей что-то, доказать свою состоятельность, то, что у них в головах я и

называю «туманом»... Когда туман рассеивается, оказывается, что на самом деле всё пи*** сложно, пробиваются единицы...

Дело даже ни в таланте или его отсутствии. Просто, внезапно выясняется, что оказались не в том месте, не в то время, и то, что где-то там имело для людей значение, здесь нукуй никому не надо. И, что найдутся ещё десятки ребят, занимающихся тем же самым, причём местных. Достигли они многого, раньше, соответственно, знают их лучше ... Да и бредятину, по большому счёту, пишешь, играешь, рисуешь...

Такая вот правда жизни, ИМХО. Дерьмо на вкус, но что поделывать? Заработать себе на жизнь творчеством – нереал... Исключения бывают, только подтверждая всё вышесказанное, пробиваются единицы, да и незнакомы мне такие исключения, а на самом деле (так будет короче) всем здесь друг на друга абсолютно по***, всем по***...

Это была суббота. Предыдущая неделька выдалась напряжённая, хотелось, хотя бы в выходные немного расслабиться. Гулял с И*** в районе магази Фонотека на Лиговском, потом двинулись в сторону Невского... На Невском проспекте дофига народу, т.к день нерабочий, люди, снующие туда-сюда. Никогда не любил центр, гуляя по которому постоянно натыкаешься на спины туристов и просто прохожих, все куда-то спешат, у каждого свои дела, свои заморочки. Ждали на переходе зелёный, таких же пешеходов скопилось по ту и другую сторону дороги прилично. Свет загорелся. Я на автомате стартанул первым, опережая И*** на шаг, вдруг повернулся и увидел: цыганка лет тридцати пяти, шарила у жены в сумке, как в своей, пытаясь выудить кошелёк или что-то ценное. Та уже заметила на миг раньше меня, схватила с*** за руку и толкнула от себя, цыганка толкнула в ответ и зашипела: «Ты чо?». От последнего я о**ел окончательно. Всё, что я здесь пишу, произошло в реале за секунду, во вторую разворачиваюсь, молча, делаю два широких быстрых шага навстречу и коротко, со всей дури, бью эту мразь в грудь. Та округлила болты, от удара перехватило дыхание. Сзади к ней подскочила, непонятно откуда взявшаяся, такая же дитя табора и увела свою

подругу, которая всё ещё держалась за грудь. Разворачиваюсь в противоположную сторону, куда шёл изначально, и рычу под нос: “С*ка, б***!.. Ё*** воровка!”

Сзади шёл иностранец с переводчиком, у которого при виде этого короткого экшна глаза округлились не меньше, чем у обиженной мной цыганки. Переводчик словами и жестами, до следующего перекрёстка объяснял, что произошло. Тот был не дурак и понял быстро, потом улыбнулся и сказал переводчику: “Зис из э бизнес”. Вот так на***, зис из э бизнес, рашин аттракцион для неискушённой публики. Добро пожаловать в нашу гостеприимную многонациональную страну. Вэлком.

*«Путин едет по стране,
а мы по-прежнему...»*

(ДДТ)

Чего я хотел от жизни полтора года назад? К чему стремился?.. Ради чего был весь этот трэш?.. Зачем, образно выражаясь, упирался лбом в кирпичную стену, стараясь хоть как-то пробиться в этом городе?.. Меня ведь, по большому счёту, никто не заставлял. Мог бы свалить домой в любой момент, мог бы не хвататься за тяжёлый ручной труд, а ждать момента или искать что-то лучше, может быть... Чего я хотел от жизни?..

Да того же, б***, чего хотят все люди, жить нормально. За свой труд получать соразмерные деньги. Если бы не было в моей практике этого прошлого года, я бы, наверное, не узнал истинную цену труду в нашей относительно свободной стране, я бы не смог оценить тех условий, в которых фигачат люди, так называемый пролетариат, если бы в эти условия не попал сам.

Пропасть между богатством и бедностью огромна, тем заметнее эта шляпа в северной

столице, где грязные коммуналки соседствуют с огороженными железными заборами особняками прямо в центре города, где большая часть жителей вынуждена обходиться без прописки и регистрации, ладно чёрные, граждане России, люди с российскими паспортами не могут годами прописаться здесь, живя в прямом смысле на правах бомжей в собственной стране, где молодые ребята, приехавшие в надежде на лучшую жизнь, вынуждены бегать от ментов, как от бандитов... И я это не одобряю...

Потом, по воле случая, точнее с лёгкой Лариной руки, я попал в Ас*ект. Соседка была в курсе моих поисков работы и однажды просто постучала в дверь нашей комнаты, где мы жили втроём, я, И*** и Аля. Анархическая коммуна, ё***, в прямом смысле этого слова, нас разделяла только наша совесть и шкаф стоящий посередине комнаты, но я что-то отвлекся. Так вот, Лара постучала в дверь нашей комнаты и позвала меня в коридор.

– Хочешь работать в медицинской фирме кладовщиком?.. Ну, т.е. будешь числиться кладовщиком, а делать будешь всё, что скажут.

– Хочу! – обрадовался я неожиданному фарту, который прям-таки свалился с неба.

Что представлял из себя Ас*ект?.. Это было крохотная, во всех смыслах, организация, занимающая площадь одной комнаты второго этажа бизнес-центра недалеко от Сампсониевского проспекта. Специализировалась фирма на медоборудовании – это контейнеры ЕДПО, баночки для мочи и какашек, иголки, шприцы, какие-то пластиковые трубки, за время моего пребывания на складе я так и не сумел запомнить, скальпели... в общем, всякой такой фигни, которая ни до, ни после, ни даже во время работы меня не интересовала. Всем, кто спрашивал, где я работаю, я пи***, что я логист в фирме занимающейся медоборудованием. Говорить, что я считаю баночки для мочи и говна мне было неприятно, это факт. Схема, по которой трудилась моя организация, была проста до безобразия, фирма закупала крупные оптовые партии этого дерьма у заводов изготовителей, например в Рязани, а потом всё распродавалось в розницу больницам и детским садам города. Смысл всех этих нехитрых действий – наварить как можно больше денег, т.е. купить подешевле и продать подороже. Разница и была тем самым смыслом. Конторка наполовину серая. Весь мой, и без того относительно малый интерес к работе, напрочь убивало осознание того, что дело, которое мы крутили-вертели, на самом деле нафиг никому не нужно. Даже загигая металлические карнизы и отливы на заводе, я, более-менее,

осознавал полезность этого труда, т.к. они пусть не на долгое время были потом установлены на окна квартир, магазинов и офисов, они служили людям. Ас*ект же просто делал деньги, деньги ради ещё больших денег. Кому мы были полезны?.. Больницам?.. Или детским садам?.. Мы были, всего-навсего, перевалочной базой для медицинского оборудования, этикие перекупщики. И то, что мне пришлось, в силу обстоятельств, стать частью всего этого, пусть даже на короткое время, вымораживало по полной программе...

Не помню ни дня, ни даты. Начальство по делам закинуло в незнакомую часть города, где и метро то нет вовсе. После работы, усталый и грязный, влез в первый попавшийся автобус, упал на сиденье и только минут через двадцать догадался спросить у шафёра, туда ли еду.

– До Петроградки довезёте? – спросил я.

– Петроградка в другой стороне. – показал жестом шофёр таджик.

У меня после этих слов упало. Возвращаться не расклад, да и – на чем?

– Ну, вы же возвращаться будете?.. Петроградку проедете на обратном пути?

Шофёр положительно кивнул. Автобус приехал в какой-то не знакомый мне район. Таджик закурил, достал бутылку пепси колы и налил в пластиковый стаканчик. Потом повернулся и с улыбкой протянул стаканчик мне.

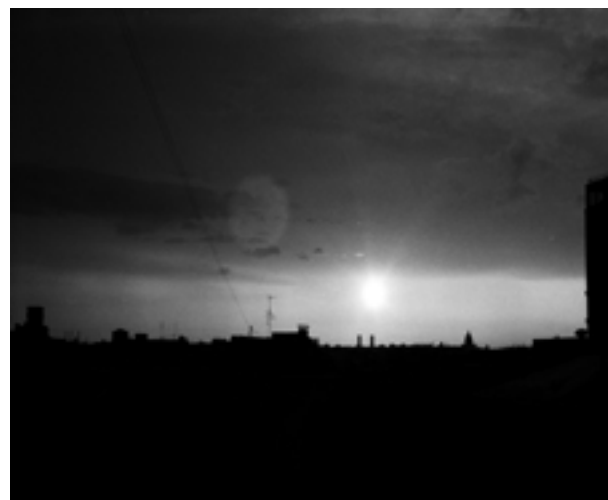
– Пепси будешь?.. – спросил он.

– Нет, спасибо. Я уж до дому! – отрицательно кивнул я и улыбнулся в ответ.

Таджик пожал плечами, выбросил окурок и завёл двигатель.

Автобус повёз меня мимо незнакомых домов, производственных строений, по улицам и переулкам. Таким он, город, являлся на самом деле, с такой стороны он открылся для меня. И я был рад, что именно с этой стороны, а не с другой. Вот и познакомились, город-герой Ленинград.

Закатное солнце проникало в салон и грело, но уже, как-то не по-летнему, сдержанной что ли...

Новое утро, утро сегодняшнего дня, совсем другая работа, другая история, наверно. И возможно было бы рассказать больше; про моё пребывание в Ас*екте, про офисные перипетии, про нашу убойную, с мухами и мышами, проссанную кошками комнату в Автово, про весну, встретившую меня новыми событиями, про увольнение и новые поиски места... Я всего этого не напишу, по крайней мере, не здесь, не сейчас.

Это – текст о городе, где, как говорил Вячеслав Петкун: «Почти что в каждом доме есть звезда, и не одна». Добавлю от себя – здесь есть ещё много людей, не звёзд, обычных, разных и каждый из них – это своя история, своя трагедия или комедия, у кого как, а бывает всё вместе, вперемешку и от такого компота временами хочется плакать и смеяться. Хотя, наверно, заметно, что меня прёт без всякого компота...

Поэтому напоследок ещё один пост.

Шёл на работу. Было прохладно на улице, минус. И вот прохожу мимо какой-то фуры, а рядом с ней чел в зенитовском шарфике, тот самый, из нашей сомнительной погрузочно-разгрузочной шарашки. Он взвалил себе на спину огромную тяжеленную сейф-

дверь корейского производства и поволок её в сторону здания. Мы пересеклись на тротуаре, я остановился, пропуская его. Он поднял на меня глаза и вроде как даже узнал, но ни слова мне не сказал. Просто повёл плечами, поправляя дверь, и потащил дальше. Я заглянул на ходу в фуру, дверей там была х*** гора.

И какое-то чувство чудовищного на*** появилось внутри, как будто это на*** сама жизнь. Такое ощущение, что кому-то был должен, хотя не одалживал ни у кого уже давно.

Просто я знаю, и это никуда не денется, что есть люди, молодые ребята моего возраста, которые работают на заводах, на складах, да и не только. Далеко не всегда им там хорошо платят, возможно, в чём-то кидают. У каждого из них свои причины. Кого-то затягивает, кто-то – без образования. И просыпаются эти парни раньше, и работа у них тяжелее. Я знаю, потому что сам держал в руках рычаг металлорежущего станка, потому что их жизнь проволокой вплетается в жизнь самой северной столицы и становится неотъемлемой её частью. Вот я к чему... Рассказать о них – это значит, рассказать о самом городе, по крайней мере, об одной из его сторон, рассказать без прикрас, как есть.

Ничего я не изменил и не добавил от себя, так было...

«Кого-то жизнь в провинции вполне устраивает, кому то нужен мегаполис и он в итоге сваливает...» – говорил Вася Обломов и безусловно был крут, т.к. безусловно был прав.

Играем жизнью, направляя её, как нам кажется, в нужное русло, рискуем – без этого

никак. Есть в жизни такие моменты, когда – либо пан, либо пропал. Единственное о чём всегда при этом стоит помнить, это то, что жизнь, с которой мы играем, может оказаться нашей собственной.

2010-2011

Однажды в Питере...

*Просто каждый из нас едет туда,
куда ему хочется,
Просто каждый из нас, видимо,
любит своё одиночество.
(М.А.Р.К)*

Это было давно. День, когда я сорвал слюду с подкассетника, нового альбома «Джоконда» группы Пилот. Тогда я почти дословно запомнил несколько слов Чёрта из пролога: «...но все предпочитают смотреть в её глаза и видеть сны, сны...»

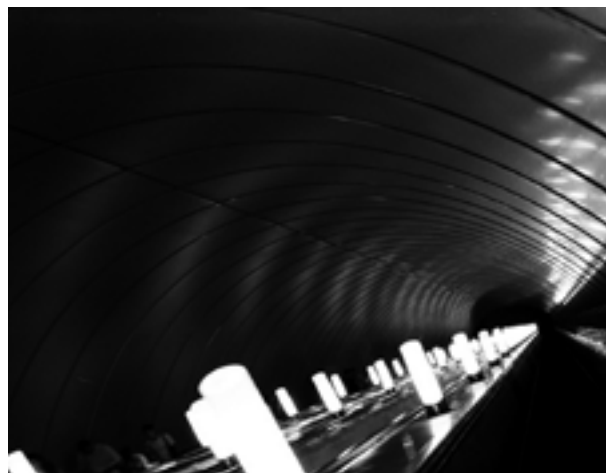
Сны... Они приходят независимо от наших дневных мыслей, иногда предшествуют знаковым для нас событиям, они подсказывают нам жизненные выходы, в них мы общаемся с теми, кого уже нет, с теми, кто находится за тысячи километров от нас, с теми, с кем разделило время и обстоятельства. По большому счёту, неважно верим мы или нет, просто это так...

Это был странный сон, тот, от которого я проснулся на пару часов раньше обычного. Вещие сны снятся людям под утро, так говорят, и то, что видится перед рассветом, с большой вероятностью произойдёт на самом деле...

Мне приснилась девчонка, с которой не сводил глаз в школе. Я даже спустя годы чувствовал себя перед ней лохом!.. А стоило ли вести себя так? Наверное, нет.. Она всегда была не моего круга. Эта девчонка осталась где-то далеко в моём детстве, где всё было не настоящему! И слова, которые я плёл ей тогда; мне кажется, что и сам в них не до конца верил, слишком уж пи*** наивно всё выглядело.

Мне снилось, что я шёл по карнизу дома, под самой крышей. Такой дом старой постройки, какие бывают в районе станции метро Автово, характерный, наверно, только для СПб. По самый карниз его скрывала вода. Я сделал несколько осторожных шагов и повернул за угол. На моём пути стояла она, прислонившись к холодной каменной кладке, сложив руки в замок за спиной. Смотрела в пустоту всего этого странного урбанистического сюрра. Она ждала меня, как, наверно, ждут на свидании, такая, какой я запомнил её ещё со школы. Встал напротив неё, близко, на расстоянии взгляда. Она заглянула мне прямо в глаза, потом обняла за шею и поцеловала. Наши губы соединились на несколько секунд, и я видел, как закатное солнце скользило по её лицу, играло в её волосах, отражалось в зрачках, не ослепляя нас...

Я думал, что это просто сон, не забыл его, но отбросил на второй план как что-то не нужное, а через пару дней обычным маршрутом топал на метро с работы. Удачный день. В моём плеере играл альбом группы «КОНЦЫ». Я ни о чём не думал. Вошёл в метро на Выборгской, на ходу вытащил из кармана лопатник и, не доставая карточки, провёл им по зелёной хреновине, лампочка загорелась, я не сбавляя шага прошёл через турникет и ступил на эскалатор...

В тот же самый момент на другой, также ползущий вниз, эскалатор ступила девушка в синем пальто. Я остановил взгляд на её лице и больше не смог произвести никаких действий, даже забыл шагнуть вправо, чтобы освободить проход стремительно догоняющим по эскалатору другим людям. Это была она. Расстояние длинной в семь лет сократилось до семи метров (может чуть больше), которые нам оставалось проехать на параллельно движущихся вниз эскалаторах... Момент, похожий на мяч залетающий по немыслимой траектории, закручивающийся от вратаря в самую девятку, похожий на звучание песни «Напугали весну» тагильской рок-группы Остальное Наличными, похожий на первую затяжку сигареты с ментоловым шариком в фильтре, на глоток из стеклянной бутылки пива «Каменный цветок», на аккорды настраивающихся гитар первого панк-концерта, на который меня занесло, на холодок глюкозы, разливающийся по венам...

Мужик сзади похлопал по плечу и попросил отойти. Я наконец шагнул вправо и она заметила меня, узнала и радостно приветственно помахала рукой!.. Крикнул ей: «Привет»! Она жестом показала, мол, встретимся внизу! Кивнул... Эскалаторы медленно ползли вниз!.. Я не видел её семь с половиной лет, с того момента как окончил школу, а дыхание, б***, всё равно участилось до безумия, правую ладонь пронзили тысячи иголок так, как будто я раздавил в ней колбу для внутривенных инъекций. Хрень. Как в тот раз, тот первый и последний раз, когда я признался ей в любви...

Чувство неловкости и стыда, чувство собственной наивности, глупости, много других чувств смешалось и вышло наружу в виде улыбки. Я думал, что наши жизни – это два параллельных эскалатора, которые никогда не пересекутся. И хотя мы находимся в одном и том же городе, в одно и то же время, и даже стоим на параллельно движущихся ступеньках двух одинаковых эскалаторов, нам нифига не светит. Я не знаю почему... Наверно, потому, что мы разные. Вот и всё. Мы спустились вниз. Секунду стояли напротив друг друга, а потом обнялись и поцеловались. Мы шли внутрь метро ещё один пролёт и о чём-то говорили, о какой-то ерунде, кто кем работает и где живёт. Мы ещё не знали, что наши поезда едут в разные стороны! И мне не хотелось бы романтизировать ситуацию. Я не умею так писать, любовные романы для чтения в том же питерском метро. На*** надо! Мы обменялись телефонами, договорились созвониться и встретиться. Встретимся ли мы? Да ни***... Мы разные и этим всё сказано, и шансов сыграть эту роль у меня было не больше, чем в тот раз, когда я признавался ей в любви.

Романтика – ложь. И она не позвонит мне, потому что ей так же всё равно, как и тогда, много лет назад, а я, я не позвоню просто потому, что не позвоню. Я женатый человек, с работой в офисе и кучей проблем, мать вашу!..

Времени было часа три ночи... В плейлисте играла ебургская группа М.А.Р.К, из колонок звучало: «Одиночество нас обнимает за плечи. Одиночество инеем красит сердца. Одиночество, как пережить этот вечер? Она была рядом, но он не увидел лица». Сказать точнее, чем Андрей Марковский, я, ей богу, не сумел бы. Сидел за монитором и всматривался в небо ночного Питера, как тут обойтись без романтики, когда это, наверно, она и была, в чистом виде!.. И я не видел ответов на свои вопросы, я видел лишь соседний дом, который по самый карниз скрывало ночной темнотой, и хотел верить, что она, хоть иногда, тоже немного думала обо мне... Потом взял сотовый со стола и удалил номер.

2010-2011

Панк-концерт

*Вспышки света, ты стоишь в толпе,
Это мы опять,
в зале этом знают все припев...
(Пляж)*

Орландос. Место, где мне действительно хорошо. Первый раз попал туда в 2009, под Новый год, тогда клуб ещё располагался в старом здании с колонной посередине зала, пи*** мешавшей обзору. Материли её все, кто бывал там на сэйшнах.

Купил билет на панк-фест... Тараканы и Distemper, Пляж и Элизиум, Тени Свободы и Джиперс Криперс в одном клубе, на малой и большой сценах – такого я пропустить не мог. Трэш. Остальное, н***, не имело значения. Когда жил в общежитии, эти группы только набирали силу, о них тогда никто не знал. Мы передирали аудиозаписи друг у друга, с кассеты на кассету, заслушивали до дыр, пока ё*** мафон «Форманта» не зажёвывал плёнку. Какими-то другими были эти песни, настоящими что ли. Они учили нас жить, учили мечтать. Эти песни давали почувствовать свободу, которой у нас не было в детстве, в школе. Мы не могли насытиться этой свободой здесь, в общежитии. У нас уже никто не мог её отнять, даже если бы захотел. Именно тогда, в 2002-м, мы сделали для себя выбор в жизни. Мы выбрали панк-рок. Много воды утекло с тех пор, свой хаэрок

я давненько сбрил, как и многие мои друзья, с кем панковал в инстике, но теперь у меня была возможность увидеть воочию ребят, чьи голоса мы слышали на тех затёртых кассетах...

Дня через четыре я уже топал на сэйшн... пешком, чтоб сэкономить хотя бы на метро. Мороз был под тридцать, перехватывало дыхание + много снега, снегоуборочные службы лажали, т.к были не готовы к такой погоде (погода, действительно, больше подходила для Урала, нежели для Питера). Зашёл в Орландос. На входе чувак охранник обыскал сумку, нашёл тюбик масляной краски, валявшейся там ещё со времён худграфа, и, повернувшись к другому чуваку, тоже охраннику, спросил:

– Это можно пронести?..

– Да пусть нюхает. – улыбнулся чел, закрыл сумку и дружески хлопнул меня по спине...

Я прошёл в зал, в углу тусил Бай, барабанщик Distempere... хотел попросить у него автограф, но потом забил, сел за столик и осмотрелся. Публика была, что надо. Чуваки рядом поджигали какой-то коктейль. Напротив, предварительно спросив разрешения, упал на стул чел в костюме, потом он достал из кармана список и протянул его мне... на бумажке были написаны команды, которым предстояло рубить на малой сцене...

– Кто из них заслуживает внимания, по вашему мнению? – вполне серьёзно спросил чел. – Мне это необходимо для статьи, я журналист.

Прочитал список.

– «Тени Свободы» отличная группа, это точно. Про «Джиперс Криперс» что-то слышал, остальных не знаю... – ответил я.

Чел довольно сощурился и убрал бумажку во внутренний карман пиджака.

Группы настраивались, задерживая начало сэйшна. Большинство пришедших было в теме, что это нормально, т.е. как всегда. «Парни слегка подкурены, слегка озадачены» – заряжал кто-то в толпе.

И вот звук... Сначала барабанчики, я встал и двинулся в сторону большой сцены, это была группа Пляж, потом из-за барабанов выехала электрогитара и вот ребята уже фигачили все вместе, пилили свои гитары, а зал отвечал сотнями подков, вскинутых над головами \т/!.. Выйти первым номером, да ещё перед такой командой, как Тараканы, было очень смелым шагом для парней, хотя уровень у них был довольно нефиговый. Откуда-то из задних рядов доносились жизнеутверждающие крики труфэнов, слегка подогретых пивасом: «На*** Пляж! Давай Тараканов!»

На площадку вышел Сид. С первой же песни около сцены начался слэм... Я отошёл чуть дальше, где народу было поменьше и всё не так плотно... Тараканов слушал постольку поскольку... Рядом стояла компания сексуальных тёток в модных шмотках. Одна из них была особенно хороша. У неё были светлые волосы, причёска каре, синее платье с открытой грудью, а внизу, гораздо выше колена, что позволяло разглядеть её стройные ножки стянутые чулками. Она была в синих туфлях на высоком каблуке, хотя это, наверно, и так понятно, но

главное, у девушки была офигенная грудь, не такие силиконовые шарики, которые одно время можно было увидеть сплошь и рядом в дешёвой немецкой порнухе (и это считалось круто), а настоящая, слегка приподнятая, средних размеров, грудь. В тот момент я с удовольствием бы лёг под каблучки этой сучки...

Вместе с ней тусил чел с красными волосами. Во время второй части выступления группы он что-то шепнул ей на ухо, встал спиной к сцене, высыпал белый порошок на грудь девушки, потом взял её руками за задницу и уткнулся носом ей между сисек... Она запрокинула голову и сладко улыбнулась куда-то в потолок...

После сэйшна идти домой желания не было. На улице поздний вечер. Зашёл перехватить фастфуд в место навроде МакДака. Там – нехилая движуха. Кого только нет. Мимо проходит парень с надписью на футболке «Punks not Dead» и убитых ботинках Dr. Martins вишнёвого цвета, классика, ближе к кассе – фанаты на цветах, розы Зенита и прочее, рядом с выходом – чуваки, у которых на лице проколото всё, что только можно проколоть, симпатичные девчонки-малолетки смеются за столиком, компания дрэдастых – в другой части зала... Заказываю, хватаю поднос, ищу свободное место. За соседним столом – два в сиську бухих мужика. Один из них берёт стаканчик, подходит к автомату, наливает его до краёв, подходит к своему другу и ставит газяву на стол, друг выливает стакан. Липкая х*** растекается повсюду. По понятной причине, сразу ловит подачу от товарища, но не обращает внимания и продолжает жрать. Потом первый проделывает

всё, то же самое, наливает, ставит стаканчик на стол... Этот снова выливает...

Вышел на улицу. Сильный минус, похолодало. Можно на метро, но решил проветриться. Пошёл на Гренадёрский мост, до него минут пять. Там долго стоял, облокотившись на перила, и смотрел вдаль, всё было в снегу, огромная снежная пустыня, ветер холодный, скользил по лицу, но не обжигал. Странно... Мне кайфово, что я здесь один, что кроме меня никого не было рядом...

Сотовый. Взял трубку, ответил, мол, всё нормально, после чего у меня было ещё немного времени, чтобы взглянуть в заснеженный хаос, в моё будущее... И мне кайфово, что я один, что кроме меня никого не было рядом, недалеко от Гренадёрского моста, самого красивого места в Питере.

СЛЭМ

*Раскачаем все вместе
этот ссанный танцпол,
Полстраны уже танцует
под наш рок-н-ролл.
(Кирпичи)*

Новые Кирпы Моо Фок. Опаздываю на сэйшн.

– Кирпичи ещё тяжелы, б***! – подкова взлетает над головой.

Пробиваюсь к сцене и е*** вместе с толпой, здесь и сейчас, в этот момент, который никогда больше не повторится, не потому что, по определению, единственный в своём роде, просто внутри ощущение, что именно этот момент надо прожить как последний в жизни, момент драйва, внутреннего драйва... и отрыва.

Движуха в самом разгаре. Кого здесь только нет. Альтернативщики, рэперы, дрэдастые и даже гопники. Музыка объединяет. Трэш и угар стабильно тянет разных людей в хардкор.

В этот момент нет другой реальности – только стены, отражающие зв ук, только энергетика зала, остальное не важно...

Парень пробивается ко мне, протягивает руку. Здороваемся. По прикиду видно, что фанат.

– Какой-то хилый сегодня зал, народ вялый! Не считаешь? – спрашивает.

– Мне по***. Я пришёл на Кирпов и мне насрать...

– Это прекрасно. – повторно жмёт руку.

– Я не знаю эту группу, потому что в то время когда они начинали мы с парнями пили ягу на районе. – потом добавляет, помолчав: – Если будет слэм, поддержишь?.. Мы хотим слэмчик поставить.

– Послэмимся...

Парень с улыбкой исчезает в толпе...

Слэм... Начало замеса слева, волна подхватывает меня. Парни сталкиваются, превращая пространство вокруг себя в хаос... Они, как частицы, ударяясь друг о друга, разлетаются в разные стороны, здесь нет равновесия, есть только какая-то изначальность, ведь вначале был лишь хаос, месиво. Падаю и снова встаю. Пытаюсь помочь тем, кого также сбили с ног в слэме, это негласное правило, действующее для всех и при любых раскладах. Получаю локтём с размаху, боли нет. Кто-то толкает сзади, придавая нехилое ускорение, толпа, в этот момент, расступается в стороны и я, пролетаю через неё обратно к сцене. Сотни таких же ребят рядом, я чувствую это живое мясо за своей спиной, огромная стихия, способная поглотить в любой момент. Они все пришли сюда ради трэша, все вместе и каждый

по отдельности. Только трэш и угар. В этот момент нет другой реальности – только стены, отражающие звук, только энергетика зала, остальное не важно.

Другой чел, весь на адидасе, подлетает и мы вместе заряжаем, он начинает, а я подхватываю:

Жизнь хороша, но в ней хватает дерьма.(Что, кайф получаешь?)

Стены ломаем нашей силой ума.(КИРПИЧИ, понимаешь)

Где бы надыбать кайфов за дарма.(Ну, ты меня знаешь)

Все поломаем нашей силой ума.(Ну, ты меня знаешь)

Нет голоса, он сорван к середине сэйшна. Продолжаю кричать, звука нет, но всё это не для того, чтобы слышали другие, главное, что слышу я сам, всё это идёт откуда-то изнутри, из моего сердца. Выкрикивая слова композиций, вдруг понимаю, что большинство из них знаю почти наизусть. Память, как одна из тех многочисленных аудиокассет, которые подгоняли соседи по общаге. Передавали их из рук в руки, цифровали на диски чуть позже, когда у всех стали появляться компы. Всем было покуй на качество. На этих кассетах голоса людей, которые сегодня рубят здесь, в этом зале. Их никто не знал тогда, а сегодня их знаю все...

Рыцари в Камелотах

Память... неизменно бросает в прошлое. Моё поколение, ребята конца девяностых, начала нулевых. Будучи в довольно нежном возрасте мы перешагнули, границу столетий, да х***, столетий, бери выше, тысячелетий и в тот момент за нашими спинами ещё не было никого. Кепки, сделанные во Вьетнаме, по сути, первые бейсболки попавшие на рынки нашей страны, хотя это примета скорее начала девяностых, сплошь палёный Найк и Адидас, я в те годы видел даже «адидепас», наверно, для тех, кто фигачил их пачками и распродал у нас в России по дешевке, это мало о чём говорило, огромные рынки забитые китайцами и прочее... список бесконечен.

Мода на широкие штаны. Широкоштанники, т.е рэперы, наполнили городок в то время. Это были мои ровесники. Первые кач***кие команды, в которых читали такие же парни из школы. Пигмалион, Уральский клан, Рождённые рифмой... Брат рэпера из команды Скул и Кэш учился со мной в параллельном классе, а ребят из ещё не созданного Пигмалиона я тоже немного знал.

Меня не захлестнула эта первая волна, прошла стороной, мне не хватало жёстких рифмов и матёрого драйва, а на горизонте уже маячило

что-то новое, это новое было панк-роком и альт-роком.

Когда я оканчивал школу, в 2002, появилась, и активно наигрывала свои первые, по-моему, лучшие темы трэш группа Луна-Парк в первоначальном составе... А за ними последовали десятки групп, которые играли рок, самая яркая из них Проект Дым, металл, это в первую очередь Мантикор и многие другие... Тоника, Об`лом, МАРС... Кто их сейчас помнит?..

Парни начинали очень здорово, но в основном всё заканчивалось уходом гитариста или барабанщика, одним словом, человека из состава, в армейку. Замену найти было сложно, да и мало кто из тех, парней, что вернулись, потом снова взялись за гитары. Приходили совсем другими людьми, чаще, другими в отрицательном смысле этого слова.

Были и такие группы, из которых ничего не получалось. Музыканты сходились, репали вместе, наигрывали пару-тройку тем и группа распадалась. Причины разные. Играть хотели по-разному и разное, например, вокалист склонялся к русскому року, ритм гитарист хотел мочить поп-панк, басист был попросту распи*** и ничего не хотел, а барабанщик спал и видел себя в альт-рокерской команде. Ну вот, собственно такой была ни одному человеку ныне не известная группа Четвёртый Час...

Вот так, мы все, каждый по-своему, шагнули в нулевые. У Сида Спирина в песне было про это: «Каждый выходил в мир через собственную дверь, кто мог знать, что ждёт снаружи нас!..»

2010. Я открыл дверь магазина, такое местечко на пересечении улиц Садовая и Ломоносова. Сверху красовалась вывеска Camelot. Зашёл внутрь. Фигачила музыка, какое-то мясо. Шмотки в основном Ультра, но сегодня мне была нужна не она. Парень за витриной узнал меня, посмотрел на мои ширштаны и расплылся в блаженной улыбке.

– Здравствуйте. Пришли нашу старую коллекцию покупать.

– Да. – говорю, – Меня Camelot интересует.

– А что за штаны у вас широкие? Что за фирма?..

– Мне без разницы, какая там фирма, хотя фирма NYK... Важно только, что широкие.

– Понятно.

Парень показал всё, что осталось от Camelota.

– Вот всё, что есть.

Да, б***, не густо, ну куплю, конечно, – подумал я про себя.

– А, знаешь, – обратился к парню, – эта фирма была популярна лет шесть назад, в ней вся молодежь наша ходила.

Наша, т.е города Т*** в котором я учился в те годы. На весь город был всего один магаз неформальной атрибутики, остальные загибались также быстро, как открывались. «Партизан», его название, держался за счёт продажи гавнодавов или тракторов, кому как больше нравится, в них ходила вся более-менее

адекватная молодежь. Камелоты и неформалы, синонимы для отдельно взятого города в то время. Просто так сложилось исторически, географически.. не знаю, вообще. По ним, собственно, можно было судить о хоть какой-то неформальности... за них нас всегда ненавидели вонючие регрессивные гопники, хотя это было взаимно...

– Это какой год?.. – чел перестал стებაься.

– 2005, примерно.

В кармане начал звонить сотовый телефон, на звонке старая уральская рэпкор команда Жесткач.

*Я не могу всё понять это мой сон
Я не хочу всё терять и продолжаю спать
И всем известно что в душе моей гремит гром
И я готов на всё пойти и всё тебе отдать
Я не могу один шагать и хрипотой
Я говорю мой голос сорван я прошу тебя
Не уходи постой я покажу тебе мир свой
Там двое вместе это ты и я
Я не могу тебя найти среди больших домов
Я не могу тебя найти среди старых холмов
На небе под землёй равнина или цепь гор
Я как потерянный щенок с тех пор*

Расплатился и, на ходу сбрасывая вызов, вышел измагаза. Только тогда, уже за порогом, как-то поймал себя на мысли, что всё изменилось вокруг, причём давно, время другое, город другой, одежда даже другая, а в плеере и на телефоне всё ещё играет рэпкор и панк-рок местного разлива... Наверно, удалось все-таки

сохранить частицу себя того, десятилетней давности, в музыке, удалось потому что я сам этого хотел, искренне. Знакомые, которые выбрали карьеру, деньги, красивые машины и жизнь, спланированную на пару лет вперёд, нам говорили раньше, мол, и мы повзрослеем, остепенимся, задумаемся о разумном, добром, вечном... Только вот ценности у нас у всех разные, сейчас я знал, что мы думали об этом всегда... Мы остались такими, какими были десять лет назад, остались чтобы жить вот так. Потому что для нас всегда был важнее настоящий момент. Если тебе нравится момент, просто останови его и продли... до бесконечности.

СОДЕРЖАНИЕ

Vilesik-Питер – 0:1	3
Предисловие	6
Вираз	8
Депрессняк	10
Завод	14
Любовь в большом городе.....	22
Антохины байки.....	25
Между небом и землёй.....	28
Однажды в Питере.....	65
Панк-концерт.....	70
Слэм.....	75
Рыцарь в Камелотах.....	78

